

Татьяна Ананьева

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Отнюдь не посягая на устои литературоведения, с источниковедческой точки зрения можно заметить, что главное действующее лицо Гоголевского "Ревизора" - не Хлестаков (как думал сам автор), не Городничий (как внушил всем Виссарион Белинский), а Иван Кузьмич Шпекин, служивший по почтовой части где-то между Петербургом и Саратовской губернией. Именно доставленные им письма открывают и замыкают сюжет "государственной пьесы", которой, как видно, суждено никогда не утратить своей актуальности. Прилюдное чтение личных писем приводит к перетасовке судеб, снимает маску загадочности с заурядной физиономии Хлестакова. Однако, вот была бы история, не вскрый почтмейстер то письмо...

Гоголевский гротеск - преувеличение, но преувеличение реального. Почтмейстер Шпекин, который не только доставляет, но и зачитывается чужими письмами, нередко становясь их единственным читателем, - фигура гротескная, но в этой химере есть любопытные реальные черты. В том числе и небезыңтересные для эпистолярного источниковедения.

Дважды в пьесе звучат его "сольные партии"¹ и оба раза они являются своеобразным гимном письмам. Однако, если, отвлекшись от эмоциональной стороны дела и от сюжета в целом, просеять сквозь источниковедческое сито слова и действия почтмейстера, то интересным для нашей темы окажется тот факт, что провинциальный почтмейстер безошибочно определял те письма, которые можно вскрыть и прочитать. Речь, конечно, не о прямой юридической санкции. Закон, подтверждавшийся каждым восходившим на престол императором, провозглашал конфиденциальность частной переписки, требуя Высочайшего повеления для исключительных случаев ее нарушения. Но вряд ли для кого-то оставалось неизвестным существование перлюстрации писем. В первой половине XIX века она получила ранее невиданное распространение, формировалась система негласной перлюстрации с полицейскими целями, охватывавшая большой массив частной переписки.

Получалось, что Иван Кузьмич, превративший вскрытие и прочтение частной переписки едва ли не в норму почтового обслуживания, с юридической точки зрения нарушал закон, но по существовавшей негласной практике - исполнял служебные обязанности. Примечательно замечание стража закона, судьи Аммоса Федоровича: "Смотрите, достанется вам когда-нибудь [курсив наш - Т. А.] за это". "Ах, батюшки!" - реагирует почтмейстер. Точки над і расставляет городничий, только что сам просивший почтмейстера о подобной услуге: "Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное".

Однако, в финале, узнав о вскрытии письма еще не разоблаченного "ревизора", городничий недоуменно восклицает: "Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?" Ответ уже был получен из предыдущей тирады почтмейстера. При всей любви к эпистолярному чтению, он и не помышлял вскрывать письмо "ревизора", но "неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера с тем, чтобы отправить его с эштафетой, но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал"².

Итак, Иван Кузьмич, без тени смущения пересказывавший письмо "одного поручика" и даже призывавший приобщиться к чтению преинтересных, а порой и назидательных чужих писем, испытал муки сомнений и страха перед письмом "уполномоченной особы". Оказывается, почтмейстер хорошо различал, на какие письма можно покушаться, а какие - неприкосновенны, потому что усвоил закон законов - Табель о рангах. Поручик - чин XII класса, и это уже само по себе служило индульгенцией для почтмейстера.

Чтобы безнаказанно удовлетворять страсть к эпистолярному чтению, т. е. чтобы не проникнуть в эпистолярное пространство особ выше определенного класса по Табели о рангах, от почтмейстера требовалось не так уж много: учитывать эпистолярные реалии, которые составляли предмет его служебных познаний и опыта. "Читать или не читать" -

ответ на вопрос содержался в качестве и внешнем виде сургучной печати, качестве бумаги, адресе, чернилах, почерке и т. д. Здесь "чин постоянно напоминал о себе своему носителю. Чин пишущего и того, к кому он обращается, определял ритуал и форму письма"³. Однако ни последнее замечание, ни подсказка почтмейстера Шпекина долго не привлекали заслуженного ими внимания.

Конечно, тот факт, что разные письма требуют разного "прочтения", разных исследовательских подходов, был давно очевиден для историков и источниковедов. С осознанием этого факта были связаны и многочисленные попытки систематизации писем⁴, но они традиционно использовали тематический критерий, исходили из содержания текстов, хотя это вынуждало к значительным натяжкам, не проясняло механизм происхождения и бытования источников. Несмотря на признание факта, что "многообразное содержание частной переписки трудно подчинить какой-либо систематизации"⁵, прозвучавшее два десятка лет назад, источниковедческая мысль продолжала искать успеха в преодолении этих трудностей.

В литературе встречались упоминания о том, что содержание, стиль, тон, манера письма определяются двумя факторами: "естественно возникающей потребностью в той или иной стилистической форме сообщить другому лицу те или иные сведения" и "реально сложившимися взаимоотношениями корреспондентов"⁶. Это важное замечание обращало внимание на то, что большинство формальных и содержательных качеств писем (начиная от качества бумаги и заканчивая достоверностью сообщаемой информации) зависят не собственно от текста, а находятся за его пределами: текст определяется контекстом. Однако, верное по сути, но неопределенное, размытое понятие "реально сложившиеся взаимоотношения корреспондентов" допускает большие разночтения.

Необходимые уточнения, развитие и оформление идеи можно найти в книге А. Г. Голикова и Т. А. Кругловой⁷. Рассматривая механизм обмена (а не просто сообщения) письменной информацией, авторы говорят о развивавшихся на его основе системах переписки, различавшихся по назначению, содержанию, форме, месту в специализированных комплексах письменных материалов. Чтобы очертить контуры этих систем, нужно взять за основу один из главных признаков, характеризующих происхождение переписки, - юридическое положение корреспондентов. Причем, для понимания характера переписки недостаточно установить юридическое положение, нужно определить, в какой мере сами переписывающиеся учитывали юридическое положение друг друга в данных эпистолярных отношениях.

Из всего спектра отношений корреспондентов именно юридические отношения могут быть установлены сразу и независимо от интерпретации их исследователем. Реальное юридическое положение адресанта и адресата является биографическим и историческим фактом, установление которого зависит от соответствующих исторических источников, но не от мнения посторонних читателей писем, в том числе и исследователей.

С точки зрения юридического статуса участниками переписки могут являться: частное лицо - человек, социальное и должностное положение которого при написании текста не играло никакой роли; лицо с властными полномочиями - человек, наделенный властными полномочиями, представляющий тот или иной уровень государственного управления, и это его положение является определяющим для возникновения послания. Возможны несколько случаев взаимоотношений между корреспондентами, которые коррелируют с тремя системами переписки: 1) переписка между собой частных лиц; 2) переписка между собой лиц, наделенных властными полномочиями; 3) переписка между частными лицами и лицами с властными полномочиями.

Переписка, где хотя бы один из участников является лицом с властными полномочиями (и, напомним, это обстоятельство учитывается корреспондентами), представляет собой делопроизводственную документацию. Сюда относятся все случаи переписки между представителями учреждений, обращения частных лиц к лицам, наделенным властными полномочиями, для решения их проблем в рамках законодательства и т. д. Такие

документы носят официальный характер. Они оформились в специфическую документальную систему, которая выделилась из общей массы писем.

Между частными лицами велась частная переписка, которая также не однородна и может быть разделена на две группы: а) деловую; б) личную. Деловая переписка "обслуживала" решение хозяйственных задач, содержала в основном отчеты, наставления; отличалась лаконичностью и деловитостью.

Личная переписка чаще ведется между родственниками, знакомыми, друзьями. Но напомним, что одна пара корреспондентов может осуществлять различные виды переписки друг с другом: 1) если они связаны служебными отношениями, между ними возможна строго официальная переписка, которая отложится в фондах делопроизводства учреждений; 2) если они же, например, являются совладельцами недвижимого имущества, то по этому поводу может вестись частная деловая переписка; 3) при наличии дружеских или родственных связей может существовать еще и личная переписка. Вопрос о взаимовлиянии, зависимости, "диффузии" одного вида эпистолярных отношений в другой и отражении этих процессов в содержательных и стилевых особенностях эпистолярных текстов - очень важен и интересен, но вряд ли имеет общее теоретическое решение. Он зависит от сугубо индивидуальных биографо-психологических особенностей корреспондентов, сложных культурно обусловленных взаимодействий индивидов, от социальной драматургии, присущей эпохе и т. д.

Есть ли какие-нибудь формальные признаки, сигнализирующие о характере письма, его типологической принадлежности? Эпистолографическая практика выработала такие признаки. Начнем с самых очевидных - качества материалов для письма (бумаги, чернил, пера); затем следует расположение и чистота текста, почерк и т. д. Понятно, что все это "работает" для определенного хронологического отрезка (когда появляются такие материалы) и для, скажем так, неэкстремальных условий. Несмотря на все возможные исключения, указанные признаки должны быть учтены. В XVIII - начале XX вв. размер бумаги, ее цвет, порядок складывания, последовательности элементов адреса и запечатывания - все подлежало строгой регламентации в соответствии с социальной иерархией (там, где она была значимой в эпистолярных отношениях). О тяжелых последствиях нарушения этикетных норм нетрудно составить представление по произведениям литературы, где порой весь сюжет построен на эпистолярном казусе, как в миниатюрном "психологическом этюде" Чехова "Пережитое": "... - Хочешь, я тебя погублю? - Каким образом? - спросил я. - А таким... Как меня пять лет тому назад фон Кляузен погубил... Хе-хе-хе. Очень просто... Возьму около твоей фамилии и поставлю закорючку. Росчерк сделаю. Хе-хе-хе. Твою подпись неуважительной сделаю. Хочешь?

Я побледнел. Действительно, жизнь моя была в руках этого человека..."⁸ Следующая угроза - поставить кляксу рядом с подписью - подтверждает мелькнувшую у "автора" мысль о том, "как мало нужно для того, чтобы скovyрнуть человека!"

Маркером установившихся иерархических отношений между автором письма и адресатом, симметричности или асимметрии статусных ролей корреспондентов служили эпистолярные обращения. Официальную и частную деловую корреспонденцию отличает наличие в обращениях форм вежливости и апеллятивов, обозначающих чин, звание, профессию. Для этих типов переписки существовала строгая регламентация форм обращений. Нарушение нормы могло навсегда испортить отношения людей, а нередко и разрушить карьеру. "Мало знакомый тогда [1805-1806 гг. - Т. А.] с русскими эпистолярными приличиями", П. А. Вяземский оставил профессору Московского университета Мерзлякову "записку, которая так начиналась: Господин Мерзляков, прошу вас etc." И на следующий день получил резкий по содержанию ответ на "грязном лоскутке бумаги". Мерзляков воспринял обращение как неуважительный выпад князя, отношения были навсегда испорчены⁹. Случай, приведенный Ю. М. Лотманом, относится примерно к этому же времени: сенатор, приехавший с ревизией, в обращении к губернатору вместо положенного: "Милостивый государь!", написал: "Милостивый государь мой!". В знак

обида губернатор ответное письмо начал словами: "Милостивый государь мой, мой, мой!", трижды подчеркнув неуместность притяжательного местоимения "мой" в официальном обращении¹⁰. Форма эпистолярных обращений зависела от социальных изменений в обществе, претерпевала значительную эволюцию, в целом (как становится заметно на больших хронологических отрезках) направленную к упрощению развернутых конструкций, к утрате многословных орнаментальных обращений.

Знание эволюции эпистолярного этикета и его особенностей в различные периоды, четкое представление о границах в использовании тех или иных форм этикетных обращений важно для понимания характера переписки, развития эпистолярных отношений, извлечения латентной информации¹¹. Однако в источниковедческой литературе этот вопрос не получил достаточного освещения и мало учитывается в конкретных исследованиях. А бытующее мнение, что письма лишены нормативности и отличаются тематической и стилистической свободой¹², приводит к большим смысловым утратам. Ведь временами отечественный эпистолярный этикет, в немалой степени заимствованный как и вообще эпистолярный жанр из "культуры, которая стала законодательницей для русского эпистолярного - французского XVIII века"¹³, ничуть не уступал строгостью и прихотливостью оригиналу. По поводу последнего вспоминается эпизод из романа М. Кундеры: герой получает письмо от секретарши парижского издательства "Галлимар". "Соблаговолите, дорогой господин, принять уверения в моем особом расположении", - эти слова заставили начинающего писателя "прыгнуть чуть ли не до потолка от радости: в Париже есть женщина, которая меня любит!" Расплатой за эпистолографическое невежество было горькое разочарование, когда открылось, что существует "целый семантический веер заключительных формул письма; благодаря им француз может с точностью аптекаря отвешивать тончайшие степени чувств... среди них "особое расположение" выражает низшую степень официальной вежливости, граничащей чуть ли не с пренебрежением"¹⁴.

Вне поля зрения исследователей, кажется, остается еще один "определитель" типологии переписки. Речь идет о своеобразном "праве собственности" адресанта на уже отправленные письма.

В процессе письменной коммуникации письмо отчуждается от своего автора и обретает "самостоятельность". Получатель может осуществить один из вариантов речевого поведения: 1) он может отказаться от получения текста; 2) он может получить, но не читать текст; 3) он может получить и прочесть текст. Письма, обязательные для получения, прочтения и ответа - официальные. Все остальные варианты относятся к личной переписке¹⁵.

Официальные и частные деловые письма (первые без исключения, вторые с незначительными оговорками), будучи отправлены адресату, не могут стать предметом претензии на их возвращение. Речь может идти об установленных правилами претензиях на обязательный ответ, но не на получение обратно самого инициативного письма. Напротив, личные письма не всегда сопровождаются ответными посланиями, но теоретически возможны и известны из эпистолярной практики случаи, когда по требованию автора ему возвращали его письма. Во фразе, оброненной в записной книжке П. Вяземского (запись 19 июня 1829 г.) - "надобно мне отобрать свои письма у моих корреспондентов и подарить их Павлуше",¹⁶ - шуточный тон объяснялся разве что нежным возрастом сына Вяземского: Павлуше шел девятый год. Достаточно вспомнить произведения литературы, сюжет которых построен на неосторожно написанном письме и попытке вернуть его, чтобы убедиться в широком распространении практики возвращения личных писем в случае изменения статуса адресанта, его личного отношения, семейного положения и т. д.

Отдельный случай личной переписки - дружеская переписка. Литературоведческая традиция закрепила это понятие за перепиской писателей конца XVIII - начала XIX вв. С источниковедческой точки зрения это гораздо более широкое явление и в

хронологическом, и в социально-профессиональном смысле. Как и другие типы переписки дружеская опосредована соответствующим характером отношений корреспондентов. Подобно самим дружеским отношениям, которые складываются с течением времени, дружеская переписка может быть очередным этапом в общей череде эпистолярных отношений, ей может предшествовать официальная и личная деловая переписка тех же корреспондентов - в зависимости от эволюции их отношений. При этом можно наблюдать, как меняются не только этикетные нормы, но и тон писем, как бы переключая текст во внесловное пространство.

В дружеской переписке изложение событий дается сквозь призму их восприятия автором. Но и в этом случае описание является формой самохарактеристики в той мере, в какой это обусловлено эпистолярными отношениями, внетекстовыми обстоятельствами. Письма как "эго-документы" близки к дневникам, но и те и другие - повод к интерпретации, а не самодостаточное изложение истинного положения дел¹⁷.

Самая многочисленная переписка - официальная. Несмотря на количественную уступку, именно личная переписка привлекает постоянное внимание к этим источникам, вызывает наибольший интерес. Говоря об эпистолярных источниках, исследователи зачастую без оговорок сводят предмет рассмотрения к личным письмам. По меньшей мере два качества личной переписки делают ее объектом источниковедческих предпочтений: это уникальность сообщаемой в ней информации, которая большей частью не дублируется никакими другими источниками, и эмоциональность.

Оба эти качества писем, как мы помним, были оценены и почтмейстером Шпекиным. Не зря же В. В. Розанов обронил как-то (кажется, тоже в письме!), что "почтмейстер, заглядывавший в частные письма, был хорошего литературного вкуса человек". О вкусах по-прежнему не спорят, но его "классный" (от классов Табели о рангах) подход к письмам полезно запомнить. Иначе, как заметил гениальный прозорливец Гоголь, "от несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект"¹⁸.

1. Явление II в первом действии и Явление VIII - в предпоследнем, пятом.
2. Гоголь Н. В. Драматические произведения. - К., 1984. - С. 70.
3. Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII - начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII - начало XIX века). - М., 1996. - С. 182.
4. См. например: Макогоненко Г. П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. - Л., 1980; Пронштейн А. П. Методика исторического источниковедения. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону, 1976; Кучина Т. Г. К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX --начала XX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. Статьи и материалы. - М., 1984. - С. 40; и др.
5. Миронова И. А. Эпистолярные источники XIX в. // Теория и методы источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Межвузовский сб.- М., 1985. - С. 121.
6. Гришунин А. Л. Принципы передачи эпистолярных текстов // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. Вып.3. - М., 1964. - С. 75.
7. Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории.- М.: РОСПЭН, 2000. - С. 154.
8. Чехов А. П. Пережитое. Психологический этюд // Собрание сочинений в 12 т. - М., 1954. - Т. 1. - С. 489.
9. Вяземский П. А. Записные книжки. - М., 1992. - С. 276.
10. Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII - начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII - начало XIX века). - М., 1996. - С. 183.

11. См. напр.: Балашова Е. В. Социолингвистический анализ этикетных форм обращения в эпистолярном жанре // Вестник ЛГУ. Вып. 1: История, язык, литература. - 1983. - № 2. - С. 78 -81.
12. Макогоненко Г. П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. - Л., 1980. - С. 13.
13. Гроссман Л. Культура писем в эпоху Пушкина // Письма женщин к Пушкину. - М., 1928.
14. Милан Кундера. Бессмертие. Вып. 1: История, язык, литература. СПб., 2002. - С. 221-222.
15. См. подробнее: Рождественский Ю. В. Общая филология. - М., 1996. - С. 113 и далее.
16. Вяземский П. Записные книжки. - М., 1992. - С. 108.
17. См.: Голикова С. В. Дневниковые записи как источник по изучению повседневной жизни Екатеринбурга на рубеже XVIII-XIX веков // Уральский город XVIII - начала XX в.: история повседневности. - Екатеринбург, 2001.- С. 36.
18. Гоголь Н. В. Драматические произведения. - К., 1984.- С. 7. (Замечания для господ актеров.)